

Е. В. НОЛЕВ

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ)*

Хроники династии Цин об установлении и восприятии маньчжурского правления в политической культуре монгольских народов XVII в.

Статья посвящена исследованию установления и восприятия маньчжурского правления в политической культуре монгольских народов XVII в. на основе изучения сведений исторических памятников «Маньвэнь лао дан» («Старый архив на маньчжурском языке») и «Дайчин улсын монголын магад хууль» («Правдивые записи о монголах Цинской империи»). С одной стороны, проанализированы воззрения императоров Нурхацы (Тайцзу), Хун-тайджи (Тайцзун), Фулинь (Шицзу), Канси (Сюань Е) по вопросам геополитики в отношении монгольских народов. С другой стороны, на основе династических хроник рассмотрена репрезентация отношения монголов к династии Цин. Большое внимание уделено анализу описания способов легитимации и сакрализации власти маньчжурских императоров.

Ключевые слова: Цин ши лу, Маньвэнь лао дан, империя Цин, монголы, маньчжуры.

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–59–94006 «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника „Правдивые записи о монголах Цинской империи“)».

За неполное столетие маньчжуро-монгольских отношений со времени установления первых дипломатических контактов в 1594 г. и до Долоннорского съезда князей в 1691 г. народы Южной и Северной Монголии вошли в состав Цинского государства. Интеграция монгольских народов в состав чжурчжэньского государства Поздняя Цзинь (а позднее — империя Цин), покорившей Минский Китай, происходила при первых четырех правителях маньчжурской династии: Нурхацы (Тайцзу), Хун-тайджи (Тайцзун), также именуемый в отечественной востоко-

ведческой традиции Абахаем, Фулинь (Шицзу), Канси (Сюань Е). Анализ эволюции представлений о власти маньчжурских правителей в политической культуре монгольских народов XVII в. способствует более глубокому пониманию содержания маньчжуро-монгольских взаимоотношений, во многом определивших вектор политического развития Внутренней Азии вплоть до начала XX в.

История монгольских народов в период установления господства Цинской династии представляет собой актуальное направление как в мировой ориенталистике, так и отечественном востоковедении. Огромную важность в изучении указанной темы имеют сведения исторических сочинений «Маньвэн лао дан» («Старый архив на маньчжурском языке») и «Цин ши лу» («Правдивые записи о династии Цин»), представляющие собой официальные хроники правления маньчжурской династии в Китае. «Старый архив на маньчжурском языке», охватывающий тридцатилетний период с 1607 по 1637 г., состоит из подневных записей, содержащих сведения о военных делах, записи административного характера, описание внутренних секретов дворца¹. Издание «Маньвэн лао дан» на русском языке, перевод которого осуществлен Л. В. Тюрюминой, было опубликовано в 2013 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН. «Правдивые записи о династии Цин» считаются одним из наиболее объективных исторических памятников эпохи, поскольку главное назначение его состояло в аккумуляции политической мудрости и обучении государственному правлению будущих императоров.

Поскольку доступ к указанным историческим сочинениям в период правления Цинской династии был разрешен ограниченному кругу лиц, включая членов императорской семьи и высших сановников, возможность изучения этих уникальных памятников появилась только с падением маньчжурской династии в начале XX в. В 1933 г. с целью обеспечения исторической легитимности прояпонского государства Маньчжоу-го Сигэмура Юдзо и Ло Чжэньюй по поручению японского правительства издали сочинение под названием «Три предисловия к черновой рукописи „Правдивые записи о правлении Нурхаци“» («Цин Тай-цзу хуанди ши лу гаобэнь сань чжун сюй»), основанные на фотокопиях экземпляров свода хроник «Цин ши лу» из шэньянского императорского архива². Ввод «Правдивых записей династии Цин» в научный оборот западной ориенталистики состоялся после публикации статьи американского уче-

¹ Маньвэн лао дан: Старый архив на маньчжурском языке. Новосибирск, 2013. С. 17–18.

² Базаров Б. В., Сундуева Е. В., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В. «Открылось то, что хранится в золотом сундуке...»: к вопросу об источниках и назначении «Правдивых записей о династии Цин» // Вестник архивиста. 2018. №1. С. 14.

ного К. Биггерстаффа в 1938 г.³ В 1969 г. Г. В. Мелиховым была опубликована обзорная статья, посвященная «Цин ши лу»⁴. Материалы «Правдивых записей» активно использовались как отечественными исследователями при реконструкции взаимоотношений монгольских княжеств и маньчжурской династии⁵, изучении установления и развития отношений между Русским царством и династией Цин⁶, исследовании китайской историографии⁷, так и зарубежными учеными. При этом если в советской историографии на основе сведений «Цин ши лу» подчеркивали агрессивность «военно-феодалного» маньчжурского государства, ставшую определяющим признаком его внешней политики на долгие годы⁸, то в современной зарубежной историографии в источнике находят подтверждения гибкости маньчжурской политики в отношении монгольских народов⁹.

Несмотря на то что в отечественном и зарубежном востоковедении сведения «Цин ши лу» используются довольно часто, лишь введение в научный оборот перевода текста памятника позволяет реконструировать и проанализировать категории монгольской и маньчжурской политической культуры XVII в., что позволит осмыслить содержание ранних монголо-маньчжурских отношений. В 2013 г. Исследовательский центр по своду древних письменных памятников малочисленных народов АРВМ КНР в Хух-Хото опубликовал исторический труд под названием «Дайчин улсын монголын магад хууль» («Правдивые записи о монголах Цинской империи») в шести томах на старописьменном монгольском языке. Основой для этого произведения стала монгольская версия «Цин ши лу». В 2019 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН был издан русскоязычный перевод «Дайчин улсын

³ *Biggerstaff K.* Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu // *Harvard Journal of Asiatic studies.* 1938. № 3. С. 296–297.

⁴ *Мелихов Г. В.* «Да Цин личао шилу» как исторический источник // *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики)*. М., 1969. С. 68–79.

⁵ *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. 196 с.; *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М., 1980. 132 с.; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 2002. 216 с.

⁶ *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. 312 с.

⁷ *Доронин Б. Г.* Китай XVII–XVIII вв.: проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988. 173 с.

⁸ *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии... С. 7.

⁹ *Di Cosma N.* Nurhaci's Gambit: Sovereignty as Concept and Praxis in the Rise of the Manchus // *The Scaffolding of Sovereignty: Global and Aesthetic Perspectives on the History of a Concept*, 2017. P. 118.

монголын магад хууль» о деяниях первых трех маньчжурских правителей под названием «Правдивые записи о монголах Цинской империи. Том 1. Правление Тайцзу, Тайцзуна и Шицзу». В настоящее время сотрудниками ИМБТ СО РАН продолжается перевод текста памятника, посвященного правлению императора Канси. Автор исследования выражает глубокую признательность доктору филологических наук Е. В. Сундуевой за возможность использования фрагментов текста неопубликованного перевода.

Чрезвычайно важным для понимания маньчжуро-монгольских отношений является вопрос титулования маньчжурских правителей монгольскими аристократами в системе политической культуры кочевых политий XVII столетия. По сведениям «Правдивых записей», в 1606 г. Энгэдэртайджи вместе с послами нойонов монгольских пяти халхаских отуков присвоили Нурхаци титул хундэлэн-хана¹⁰. В данном фрагменте летописи, во-первых, подтверждается дата посольства — 1606 г., тогда как в историографии, как правило, фигурирует 1607 г.¹¹ Во-вторых, определяется титул «хундэлэн-хан», или «самый уважаемый правитель»¹². И. С. Ермаченко и Е. И. Кычанов используют китайскую интерпретацию данного титула «мудрый и воинственный император»¹³. В-третьих, проясняется смысл присвоения данного титула Нурхаци монгольскими князьями, который, по версии «Правдивых записей», заключался в поклонении хану. По мнению Николы Ди Космо, несмотря на номинальное значение этого дипломатического приема для установления добрососедских отношений, не отражающего признания монголами подданства по отношению к маньчжурам, именно с этого момента начинается исторический процесс, завершившийся созданием «Внутренней Монголии»¹⁴.

В 1616 г. при основании нового государства — Поздняя Цзинь — Нурхаци объявляет девиз правления «Тянь-мин» («Получивший Мандат Неба»), легитимируя тем самым свой правящий статус в рамках устоявшейся сакральной традиции. В «Маньвэнь лао дан» приведены слова аристократов, обосновывающие начало новой династии: «Наше государство, живя без хана, чрезвычайно страдало, поэтому, быть может,

¹⁰ Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 1: Правление Тайцзу, Тайцзуна и Шицзу. Иркутск, 2019. С. 24–25.

¹¹ Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома // Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине. Т. I. Пекин. 1909. С. 31; Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977. С. 129.

¹² Di Cosma N. Nurhaci's Gambit... P. 186.

¹³ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии... С. 24; Кычанов Е. И. Кочевые государства... С. 217.

¹⁴ Di Cosma N. Nurhaci's Gambit... P. 186.

Небо и произвело его на свет со словами: „Пусть он заставит благоденствовать наше государство!“¹⁵. По мере укрепления правления Нурхаци в легитимации его геополитических действий, наряду с сакральными мотивами мандата Неба, формируется концепция исторической преемственности на основании древних законов империи Цзинь, державы Чингис-хана, династий Юань и Мин¹⁶.

Укрепление политического влияния и представлений о власти маньчжурского императора среди монгольских народов происходит во время правления Хун-тайджи (Абахая). В. В. Горский, описывая политическую ситуацию в Южной Монголии, характеризовавшуюся раздробленностью племен, отмечал стремление чахарских правителей утвердить свою власть в монгольской степи посредством истребления «ослушных вассалов» и обеспечения безусловной покорности. Такая стратегия Лигдан-хана не могла найти положительного отклика среди привыкших к независимости князей, которые готовы были или погибнуть, или признать чужое владычество, только «чтобы избегнуть подданства ненавистному им Хану»¹⁷. В условиях нараставшего противостояния между Линданем (Лигдан-ханом), поддерживаемым пекинским двором, и Тай-цзунюмь (Хун-тайджи) многие монгольские владельцы демонстрировали преданность и покорность новому маньчжурскому правителю¹⁸.

В характеристиках статуса «добровольно присоединившихся» монгольских феодалов исследователями акцентируется внимание на отсутствии в тексте соответствующих клятв упоминания о каких-либо конкретных обязательствах с их стороны по отношению к маньчжурскому государству. На основании этого наблюдения предложен вывод о том, что подобные отношения более соответствуют внешнеполитическим союзам, нежели чем отношениям подданства¹⁹. Если считать данное предположение справедливым по отношению к политическим ожиданиям монгольских феодалов, беспрекословное соблюдение военных обязанностей монголами, отраженных в тексте Указа Хун-тайджи 1629 г.²⁰, не согласуется с концепцией союза на паритетных основаниях и заставляет переосмыслить изначальный характер присоединения к маньчжурскому государству. И. С. Ермаченко указывает на очень важную деталь политической культуры монгольского социума, способство-

¹⁵ Маньвэнь лао дан: старый архив на маньчжурском языке. Новосибирск, 2013. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Горский В. Начало и первые дела... С. 58.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии... С. 43.

²⁰ Там же. С. 48.

вавшей утверждению власти маньчжурских правителей: с гибелью Лигдан-хана и сдачей в плен его сына Эджэ титул «Всеомгонгольского хана» оказался без его носителя²¹.

В 1635 г. Хун-тайджи издал указ об упразднении различий между старыми и новыми маньчжурами, монголами и китайцами²². С целью усиления инкорпорации монгольских народов в маньчжурское государство наряду с должностью главы и китайского управляющего были учреждены должности монгольских управляющих при образовании шести министерств в 1631 г. На указанную должность в министерстве чинов был назначен Манджушири, в министерстве финансов — Басхан, в министерстве церемоний — Буяндай, в военном министерстве — Суна, в министерстве общественных работ — Наннуг²³. Таким образом, формируется административное измерение восприятия политической власти маньчжурского императора монгольскими подданными.

Обретение Хун-тайджи нефритовой печати династии Юань воспринималось подданными как знак проявления воли Неба. В 1636 г. 49 нойонов из 16 племен Внешней Монголии прибыли для пожалования хану почетного титула. Затем аристократы маньчжурского государства обратились к хану: «Нойоны, сановники, военные и гражданские чиновники, а также нойоны внешних племен, возвещаем. Благодаря милости Неба хан-правитель обрел великую славу. Он создал великое государство, приняв под свою власть многие народы. Когда же во всем мире наступили смутные времена, по воле Неба, он силой подавил сопротивлявшихся, мудростью присоединил добровольно сдавшихся. Когда слава о его великой милости разнеслась повсеместно, [хан] присоединил корейское государство, объединил монгольские племена и стал обладателем яшмовой печати, являющейся верным знаком обретения власти. Если он вверх поднимется, к нему благосклонно Небо, если вниз спустится, его уважают люди. Мы, сановники, уверенные в вечном процветании великого государства, жалуем высший титул»²⁴. Очень важно, что в тексте этой грамоты роль Хун-тайджи выступает не только как создатель государства, но и как объединитель монгольских племен. Хун-тайджи был присвоен титул Ахуда-орушиегчи-найрамдагу-хаган (Всемиловейший миролюбивый Богдо-хан)²⁵. Маньчжурское государство стало именоваться Великой Цинской империей.

²¹ *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии... С. 68.

²² *Правдивые записи о монголах...* С. 199.

²³ Там же. С. 100–101.

²⁴ Там же. С. 224.

²⁵ Там же. С. 224–225.

В период правления императора Фулиня политика Цинского двора была преимущественно подчинена окончательному подчинению Китая в составе Цинской империи. При этом в цинской политике по отношению к Халхе произошли события, ускорившие интеграцию Северной Монголии с Цинской империей, а стратегия, сформулированная Фулинем, предполагала «объединение дальних земель и установление мира во всем мире»²⁶. В 1646 г. состоялся цинский военный поход в Халху. В 1656 г. в Пекин прибыло посольство из Восточной Халхи с письмом, в котором было выражено желание принести присягу маньчжурскому императору.

В 1691 г. в окрестностях озера Долон-нор состоялся съезд князей Северной Монголии (Халхи) с участием правителя Цинской империи Канси (Сюань Е), ставший поворотным событием в истории монгольских народов Халхи, принявших маньчжурское подданство и утративших политическую независимость на 220 лет. В «Цин ши лу» приводится письмо канцлера Исанги, где говорится, что халхасские феодалы «с искренним сердцем признали себя вассалами». По мнению канцлера, в этом заключался наивысший результат метода привлечения монгольских народов на свою сторону добрым отношением²⁷. Понимание собственной миссии Канси в судьбе народов Халхи отражено в послании Галдан-хану: «Управляя целым государством, я стремлюсь к тому, чтобы все народы жили в благополучии. Каким бы далеким ни было племя, я непременно принимаю его на содержание. Когда халха, потерпев от тебя поражение, изъявили мне свою покорность, я принял их, поскольку люди всей вселенной находятся под моим покровительством. Важной задачей императора является поддержка тех, кто нуждается в его помощи. В целом у меня не было намерения захватить земли семи халхасских хошунов. Мое желание соединять разрозненное и восстанавливать разрушенное распространяется не только на халха. Если любой народ, попавший в безвыходное положение, придет ко мне, я точно так же окажу ему милость»²⁸. Комментируя сведения монгольской летописи «Эрдэни эрихе» о Долон-норском съезде, А. М. Позднеев, основываясь на китайских источниках, отмечает одну очень важную деталь, характеризующую процесс присоединения Халхи к Цинскому Китаю: «Халхасы, непривычные к этим церемониям, <...> нетерпеливо ожидали великих милостей богдохана. Едва только прибыл он на место, как халхасы приступили к нему с[о]

²⁶ Правдивые записи о монголах... С. 509.

²⁷ *Daiqing ulus-un mongyul-un mayad qauli* [True records of the Mongols of the Qing Empire. Volume 1. In Mongolian]. Hohhot. 2013. P. 627.

²⁸ *Ibid.* P. 607.

своими просьбами и умоляли об удовлетворении своих нужд»²⁹. При этом академик Б. Я. Владимирцов подчеркивал разницу статуса маньчжурского императора в политических представлениях китайцев, для которых он являлся повелителем — хуанди, и «монгольских сеньоров», видевших в цинском правителе своего феодального сюзерена, получившего права от великих ханов старшей линии дома Чингис-хана³⁰.

Таким образом, анализ представлений о власти маньчжурских правителей, бытовавших в монгольской политической культуре XVII в., сведения о которых содержатся в аутентичных маньчжурских источниках, позволяет переосмыслить содержание монголо-маньчжурских отношений. Конечно, свидетельства официальных хроник династии Цин не могут не исказить исторической действительности в угоду интересам правящей династии, однако само их практическое назначение, заключенное в использовании при управлении государством, значительно повышает степень их объективности. Документы, содержащиеся в «Маньвэн лао дан» и «Цин ши лу», исключают однозначную интерпретацию содержания взаимоотношений монгольских княжеств и маньчжурской державы в категориях «агрессивная экспансия» или «завоевание», позволяя более объективно рассматривать сложный и многофакторный процесс интеграции монгольских ханств в состав Цинской империи.

²⁹ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ». Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883. С. 221.

³⁰ Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 486.